

УДК 342.591

Е.Ю. Стаханова*

ПОСЛЕДСТВИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ДЕЛИКТА И ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ДЕЯНИЕМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЕМ

Статья содержит исследование последствий совершения конституционных правонарушений. Анализируются конструктивные признаки причинно-следственных связей между деяниями и последствиями. Особое внимание уделяется вопросу применения конституционной ответственности.

Ключевые слова: конституционная ответственность, правонарушение, конституционный деликт, причинно-следственные связи в механизме ответственности, юридическая ответственность.

Для большинства правонарушений характерно наступление общественно опасных последствий в виде неблагоприятного результата неправомерного деяния. Для установления зависимости последствий деяния от самого деяния в науке используется термин «причинная связь» («причинно-следственная связь»). Иногда причинная связь очевидна, иногда ее практически невозможно установить.

Однако наступление негативных последствий не всегда сопровождается совершением неправомерного деяния. В некоторых случаях юридическая ответственность наступает за деяние, не повлекшее таких последствий. В этом случае предполагается, что вне зависимости от наступления последствий само деяние представляет собой угрозу их наступления, в связи с чем является настолько вредным, что влечет юридическую ответственность.

В связи с этим в юридической науке составы правонарушений подразделяются на материальные и формальные. Материальные составы правонарушений должны включать в себя указание на общественно вредные (опасные) последствия как обязательные для установления признаки правонарушения. Формальные же составы правонарушений ограничены указанием на само деяние без указания на повлекшие его совершение последствия. Впрочем, это не означает отсутствия вредности (опасности) таких правонарушений.

В конституционном праве последствия совершения конституционных правонарушений указываются не всегда. Нередко это связано с политическим характером самого конституционного законодательства и процессов, реализуемых в рамках конституционного права. Ненадлежащее исполнение конституционных норм само по себе весьма опасно, поскольку часто затрагивает базовые начала государственного управления – важнейшей сферы жизни общества. В связи с этим наступление каких-либо последствий в результате совершения конституционного деликта не всегда является обязательным признаком такого правонарушения.

---

* © Стаханова Е.Ю., 2016

Стаханова Екатерина Юрьевна (stakatya@rambler.ru), кафедра государственного и административного права, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Последствия совершения правонарушения могут являться обязательным признаком состава конституционного правонарушения только в тех случаях, когда на них указано в диспозиции конституционной нормы. В тех случаях, когда конституционная норма «молчит» о последствиях деликта, такое последствие, а следовательно, и причинная связь между правонарушением и последствием являются факультативными признаками объективной стороны конституционного правонарушения, не несущими юридической нагрузки. Иначе говоря, негативные последствия характерны только для правонарушений с материальным составом. В формальных составах, где конституционная ответственность наступает за само деяние, а последствия вынесены за рамки состава, данный признак не является обязательным и не может влиять на квалификацию деяния. Причинно-следственная связь между деянием и негативными последствиями также подлежит установлению только по материальным составам.

Примером формального состава может служить норма п. 1 ч. 1 ст. 74 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», согласно которой высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации вправе издать правовой акт об отрешении от должности главы муниципального образования или главы местной администрации в случае издания им нормативного правового акта, противоречащего федеральному законодательству, законам субъекта Российской Федерации, уставу муниципального образования, если такие противоречия установлены соответствующим судом, а это должностное лицо в течение двух месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда.

Примером материального состава конституционного правонарушения может быть ч. 4 ст. 9 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в которой указано: если судом установлено, что законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации приняты нормативные акты, противоречащие федеральному законодательству, а законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации в течение шести месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не принял в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда, и после истечения данного срока судом установлено, что в результате такого уклонения были созданы препятствия для реализации полномочий федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления, нарушены права и свободы человека и гражданина, права и охраняемые законом интересы юридических лиц, Президент Российской Федерации выносит предупреждение законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта Российской Федерации.

Необходимость установления последствий данного конституционного деликта подтверждается судебной практикой. Так, в одном из решений судом было указано, что данная мера федерального воздействия применяется при установлении судом следующих обстоятельств. Во-первых, законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ приняты закон субъекта РФ, противоречащий федеральному законодательству. Во-вторых, законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации в течение шести месяцев со дня вступления в силу решения суда не принял в пределах своих полномо-

чий мер по исполнению решения суда, в том числе не отменил нормативный правовой акт, признанный соответствующим судом противоречащим федеральному закону и недействующим. В-третьих, после истечения шестимесячного срока судом установлено, что в результате уклонения законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ от принятия в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда были нарушены права и свободы человека и гражданина [2].

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «именно названные последствия характеризуют существенность допущенных в нормативных правовых актах субъекта Российской Федерации нарушений Конституции Российской Федерации и федеральных законов, которые могут послужить основанием для применения указанной меры» [1].

Что касается причинной связи, то в юридических науках на этот счет ведется дискуссия. Некоторые исследователи считают, что причинная связь является обязательным признаком объективной стороны состава преступления, поскольку для правильного определения объективной стороны преступления необходимо выявлять причинную связь между действием или бездействием лица и наступившими последствиями либо возможностью их наступления.

На наш взгляд, причинная связь не является обязательным признаком объективной стороны правонарушения, в том числе конституционного, поскольку в философии явление (процесс, событие) называется причиной другого явления (процесса, события), если первое предшествует второму во времени; является необходимым условием, предпосылкой или основой возникновения, изменения или развития второго, то есть если первое порождает второе. Таким образом, не может быть причинной связи в правонарушениях, не повлекших наступления общественно негативных последствий, хотя самих по себе объективно вредных (опасных). Нельзя установить причинную связь между деянием и возможностью наступления негативных последствий, поскольку эта связь будет предположительной (теоретической), а не реальной.

Стоит в связи с этим согласиться с А.Э. Жалинским, который утверждает, что причинная связь «как действие поступка, распространяющееся на некоторое будущее внешнего мира, в любом ее понимании непосредственному познанию не поддается. Ее предметная констатация, установление носят выводной характер» [3, с. 379]. Причинная связь должна устанавливаться только в тех конституционных правонарушениях, необходимым признаком которых является наличие реального вреда или ущерба общественным отношениям, охраняемым нормами конституционного права.

В диспозициях некоторых норм конституционного права Российской Федерации указывается не только на общественно негативные последствия совершения конституционных деликтов, но и на угрозу их возникновения. Так, в ст. 10 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» указано, что в случае осуществления общественным или религиозным объединением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие должностное лицо или орган с момента их обращения в суд с заявлением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности вправе своим решением приостановить деятельность общественного или религиозного объединения до рассмотрения судом указанного заявления.

При квалификации данного деяния должна быть установлена реальность (конкретность) угрозы. Реальность угрозы характеризует наличие действительных оснований, создающих опасность причинения вреда охраняемым общественным отношениям. Реальность угрозы может быть объективной и субъективной. Объективными причинами угрозы могут быть, например, активная неприкрытая деятельность экстремистской организации, публичные многочисленные призывы к насилию, экстремистской деятельности, конкретные демонстрационные действия, массовость их характера и т. д. Субъективные причины понимания угрозы определяются пониманием ее реальности применительно к каждому конкретному индивидууму.

Может создаться впечатление, что в данном случае при установлении угрозы причинения вреда существует необходимость установления причинной связи между неправомерным конституционным деянием и потенциальной возможностью (угрозой) такого вреда. Однако такая причинная связь (как и сама угроза) также будет иметь гипотетический, а не реальный характер, в связи с чем стоит отметить, что и в таком случае причинная связь в собственном смысле этого слова не устанавливается.

Приведем пример. Прокурор Московской области обратился в Московский областной суд с заявлением о запрете на территории Российской Федерации деятельности межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь», ссылаясь на осуществление данным объединением экстремистской деятельности. Прокурор указал, что из принимаемых Духовно-Родовой Державой Русь актов следует, что деятельность данного общественного объединения подчинена идеям превосходства русской нации и направлена на создание так называемого «славяно-арийского» государства, в том числе путем репрессии в отношении лиц, не поддерживающих цели организации, вплоть до их физического уничтожения. Целями деятельности объединения является насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, возбуждение национальной и религиозной розни, пропаганда исключительности, превосходства и неполноценности человека по признаку его национальной, религиозной принадлежности. Прокурор полагал, что экстремистская деятельность объединения создает реальную угрозу причинения вреда личности, общественному порядку, общественной безопасности, обществу и государству.

Принимая решение об удовлетворении заявления прокурора Московской области, суд, руководствуясь вышеприведенными правовыми нормами, исходил из вывода о том, что имеются основания для признания межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь» экстремистским и запрета его деятельности, поскольку в суде нашли свое подтверждение доводы прокурора о том, что данным объединением осуществляется экстремистская деятельность, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; возбуждение национальной и религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от указанных признаков. Подобного рода деятельность объединения заключается также в совершении участниками объединения преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо

социальной группы), в пропаганде и публичном демонстрировании нацистской символики или символики, сходной с нацистской до степени смешения; публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности; изготовлении и массовом распространении экстремистских материалов; организации и подготовке указанных деяний. Такая деятельность данного объединения и его структурных подразделений создает реальную угрозу нарушения прав и свобод человека и гражданина, причинения вреда личности, здоровью граждан, общественной безопасности и государству [4].

Таким образом, единственным обязательным признаком конституционного правонарушения является само событие противоправного акта. Последствия конституционного правонарушения, а также причинно-следственная связь являются юридически значимыми только в случаях указания на них в конституционно-правовой норме. При квалификации угрозы наступления негативных последствий конституционного деликта причинно-следственная связь также не устанавливается, однако определению подлежит реальность и конкретность такой угрозы. Большинство составов конституционных правонарушений сформулированы как формальные, что объясняется важностью общественных отношений, защищаемых конституционными нормами.

Библиографический список

1. Постановления Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства. 2002. № 15. Ст. 1497.
2. Решение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 3 сентября 2009 г. №3-34/09. Доступ из СПС «Гарант».
3. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 400 с.
4. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 июля 2011 г. № 4-Г11-35. Доступ из СПС «Гарант».

References

1. Postanovleniia Konstitutsionnogo Suda RF ot 4 aprelia 2002 g. № 8-P "Po delu o provere konstitutsionnosti otdel'nykh polozhenii Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii" v sviazi s zaprosami Gosudarstvennogo Sobraniia (Il Tumen) Respubliki Sakha (Iakutiia) i Soveta Respubliki Gosudarstvennogo Soveta – Khase Respubliki Adygeia" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 4, 2002 № 8-P «On the case about inspection of constitutionality of certain provisions of the Federal law "On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation" in connection with the requests of State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) and Council of the Republic of the State Council – Khase of the Republic of Adygeya»]. Sobranie zakonodatel'stva [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2002, no. 15, Article 1497 [in Russian].
2. Reshenie Verkhovnogo Suda Respubliki Sakha (Iakutiia) ot 3 sentiabria 2009 g. № 3-34/09 [Judgment of the Supreme Court of the Republic of Sakha Yakutia dated September 3, 2009 №3-34/09]. Legal reference system «Garant» [in Russian].
3. Zhalinsky A.E. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyi analiz. 2-e izd., pererab. i dop [Criminal law in the expectation of changes: theoretical and instrumental analysis. 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Prospect, 2009, 400 p. [in Russian].

4. Opredelenie sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 12 iulia 2011 g. №4-G11-35 [Decision of the Judicial Division For Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 12, 2011 №4-G11-35]. Legal reference system «Garant» [in Russian].

E.Yu. Stahanova*

CONSEQUENCES OF CONSTITUTIONAL DELICT AND CAUSE AND EFFECT RELATION BETWEEN AN ACT AND ITS CONSEQUENCE

The article contains the research of consequences of constitutional delinquencies. The author analyses constructive features of cause and effect relation between acts and its consequences. The author pays special attention to the problem of constitutional liability.

Key words: constitutional liability, delinquency, constitutional delict, causality in the accountability mechanism, legal responsibility.

---

* *Stakhanova Ekaterina Yurievna* (stakaty@rambler.ru), Department of State and Administrative Law, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.